
Вопросы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии

Научная статья

Научная специальность

5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

УДК 343(470)(091)

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2023.4.72>

СОВМЕСТНОЕ СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ДОКТРИНЕ РУССКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА (СЕРЕДИНА XIX в. – 1917 г.). ЧАСТЬ 2

© Георгиевский Э. В., Кравцов Р. В., 2023

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Рассматриваются взгляды русских ученых, оказавших существенное влияние на формирование института совместного совершения преступления в русском дореволюционном уголовном праве. При этом используются конкретно-исторический и компаративистский (сравнительно-правовой) методы исследования правовой природы института совместного совершения преступления. Сделаны выводы о том, что данный институт с середины XIX в. развивается гораздо более интенсивно, нежели ранее; теоретические положения о совместном совершении преступления, включающие в себя в основном соучастие и прикосновенность, публикуются не только в учебниках и авторских курсах лекций, но и в довольно обстоятельных монографических исследованиях; начинает унифицироваться общий подход к определению видов соучастников, форм и видов соучастия; осуществляются первые попытки определения понятий соучастия и прикосновенности; практически оформляется единый терминологический аппарат. Установлена очевидность разницы в подходах к общему объему института совместного совершения преступления. Отмечается, что часть исследователей пытается расширить понятие совместного совершения преступления путем включения в него не только соучастия, но и иных форм, другие пытаются охватить понятием соучастия максимально возможное количество случаев совместного совершения преступления.

Ключевые слова: соучастие, прикосновенность, стечение нескольких преступников, скоп, заговор, шайка, главные интеллектуальные виновники, пособники, совиновничество.

JOINT COMMITMENT OF A CRIME IN THE DOCTRINE OF RUSSIAN CRIMINAL LAW (MIDDLE XIX CENTURY – 1917). PART 2

© Georgievsky E. V., Kravtsov R. V., 2023

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

This paper examines the views of Russian scientists who had a significant impact on the formation of the institution of joint commission of a crime in Russian pre-revolutionary criminal law. At the same time, specific historical and comparative (comparative legal) methods are used to study the legal nature of the institution of joint commission of a crime. The authors come to the conclusion that this institution from the middle of the XIX century. develops much more intensively than before. Theoretical provisions on the joint commission of a crime, which mainly include complicity and implication, are published not only in textbooks and author's lecture courses, but also in rather detailed monographic studies. The general approach to determining the types of accomplices, forms and types of complicity is beginning to be unified. The first attempts are being made to define the concepts of complicity and implication. In practice, a single terminological apparatus is being formed. At the same time, the difference in approaches to the total volume of the institution of joint commission of a crime is also obvious. Some researchers are trying to expand the concept of joint commission of a crime by including not only complicity, but also other forms, others are trying to cover the maximum possible number of cases of joint commission of a crime with the concept of complicity.

Keywords: complicity, involvement, confluence of several criminals, osprey, conspiracy, gang, main intellectual culprits, accomplices, co-criminality.

Достаточно интересное определение понятия соучастия дает Л. Е. Владимиров в своем учебнике *Общей части русского уголовного права*. Под соучастием ученый понимает соглашение нескольких лиц совершить общими

силами определенное или несколько, наперед не определенных, преступлений [3, с. 109]. Из данной дефиниции видно, что Л. Е. Владимиров расширяет понятие соучастия путем включения в него не только совместного участия не-

скольких лиц в совершении одного и того же преступления, но и соглашения о совершении нескольких неопределенных преступлений, что представляет собой совместную преступную деятельность.

К существенным признакам соучастия исследователь относит, во-первых, соглашение, которое соединяет нескольких лиц одним общим умыслом. Во-вторых, «совершение общими силами», что представляет собой, очевидно, совместность действий. Что же касается третьего существенного признака, то им является соглашение, составленное на одно или множество преступлений. Разъясняя данный признак, Л. Е. Владимиров пишет: «Соглашение на множество, в отдельности не определенных, преступлений дает понятие шайки, высшую форму соучастия в преступлении, высшую по интенсивности преступности и опасности для общества. Шайка уже есть отколотая часть общества, ведущая с ним войну. Самое составление шайки есть уже преступление, которое должно вызывать строгое наказание» [3, с. 111].

Виды соучастников Л. Е. Владимиров рассматривает в строгом соответствии их законодательной регламентации Уложением о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1885 г. В скопе (участии без предварительного соглашения) могли участвовать главные виновные и участники. При этом к главным виновным относились: распорядившиеся или управлявшие действиями других; приступившие к действиям прежде других, при самом их начале; непосредственно совершившие само преступление. К участникам относились: непосредственно помогавшие главным виновным; доставлявшие средства для совершения преступления и непосредственно совершившие само преступление [Там же, с. 113]. В участии по предварительному соглашению (заговор в обширном смысле слова) могли принимать участие зачинщики, сообщники, подстрекатели или подговорщики, пособники [Там же, с. 114].

Л. Е. Владимиров вполне четко рассуждает о возможных случаях совместного совершения преступления, помимо соучастия. Так, по мнению ученого, не может быть речи о соучастии, если преступный результат вызван неосторожными действиями нескольких лиц. Нелепостью Л. Е. Владимиров считает и неосторожное участие в умышленном преступлении и наоборот. Кроме того, не относятся к соучастию и случаи так называемого необходимого соучастия, когда то или иное преступление в Особенной ча-

сти сконструировано таким образом, что совершить его в одиночку просто невозможно (дуэль, двоеженство, восстание). И конечно же, прикосновенность к преступлению (благоприятствование) хоть и имеет отношение к учению о соучастии, но не входит в него [Там же, с. 124–127].

Особым образом подходит к институту совместного совершения преступления Н. Д. Сергиевский. Он признает, что совместная преступная деятельность нескольких лиц может осуществляться только и исключительно при наличии причинной связи между действиями всех, без исключения. Однако он вполне четко делит все эти случаи на две группы. С одной стороны, все лица должны обладать определенными условиями вменения уголовной ответственности. Именно в этом случае можно говорить о соучастии в преступлении. С другой стороны, наличие условий вменения только у одного человека и отсутствие таких условий у других приводит к признанию присоединяющейся деятельности к неодушевленным силам природы. Деятельность таких лиц остается, таким образом, вне поля уголовно-правового воздействия [5, с. 310–312].

Нужно отметить, что Н. Д. Сергиевский в своей работе выделяет специальный параграф под названием «Понятие соучастия». И хотя он не акцентирует внимание на специальном определении понятия, но считает, что под соучастием можно понимать ситуацию, когда два или более совместных деятеля действуют каждый при наличии субъективных условий вменения так, что присоединение преступной деятельности одного не исключает сознания и предвидения результатов со стороны другого и обратно [Там же, с. 313]. Фактически понятие соучастия исследователь дает исходя из признака – совместности умыслов соучастников, который выделяется среди субъективных признаков соучастия в современном уголовном праве России. Более того, Н. Д. Сергиевский вводит в научный оборот и понятие «институт соучастия», при этом целью относящихся к институту соучастия положений является применение ко всем соучастникам общих начал уголовной ответственности. Необходимым же условием вменения преступных совокупных последствий каждому из соучастников является знание о присоединяющейся деятельности иных соучастников. В современном институте соучастия – это наличие субъективных связей между участниками совместного преступления. Обращает внимание Н. Д. Сергиевский и на тот факт, что пол-

ное вменение последствий преступного деяния всем соучастникам, независимо от характера и степени их непосредственного участия в совершении преступления, не останавливает применение принципа индивидуализации уголовного наказания [5, с. 313–314].

Среди видов соучастников Н. Д. Сергиевский выделяет физических и интеллектуальных. Однако дифференцирует виды соучастников исследователь, исходя из степени сложности распределяемых ими функций, что, на наш взгляд, является не совсем оправданным, так как здесь происходит смешение различных оснований деления. Так, простейшим видом будет комбинация, где все соучастники являются физическими соисполнителями (совиновничество). Второй по степени сложности будет являться ситуация, когда все соучастники распределяют между собой роли физических и интеллектуальных участников. И наконец, самой сложной комбинацией будет являться та, при которой и физические, и интеллектуальные виновники между собой еще разделяются на главных и второстепенных. Представляется, что с точки зрения современного уголовного права это не что иное, как деление соучастия на виды – простое и сложное.

Вместе с тем хотелось бы отметить, что в таком подходе есть и своя определенная логика. Основанием деления соучастия на виды в современном уголовном праве является установление факта распределения или нераспределения ролей среди соучастников. При этом если все соучастники выполняют объективную сторону состава преступления в качестве соисполнителей (совиновников), такое соучастие является простым. Если же среди соисполнителей появляется хотя бы одна «сложная» фигура соучастия (организатор, подстрекатель или пособник), такое соучастие признается сложным. Однако мы должны согласиться с тем, что фактически основанием такого деления можно признать и определенную комбинацию видов соучастников, что, по сути, и делает Н. Д. Сергиевский.

В основание деления соучастия на формы, во всяком случае исходя из названий элементов дифференциации, Н. Д. Сергиевский кладет время составления соглашения о совершении преступления. Однако обосновывает это основание деления исследователь точно так же, как и предыдущее. Несмотря на то что фактическое содержание основания деления соучастия на формы составляют «некоторые особенности в отношении соучастников между собою и к их

общей деятельности», в итоге соучастие должно делиться на формы в зависимости от наличия совокупности одних главных физических виновников, либо от наличия главных виновников и пособников, либо от наличия физических или интеллектуальных. Собственно, время составления соглашения (до начала совершения преступления или в процессе его совершения) в основу деления соучастия положено в чистом виде так и не было, хотя единицы деления носят именно эти названия.

Так, соучастие без предварительного соглашения представляет собой две возможных комбинации. Первая – это скоп, когда «необходимые для общей ответственности условия (то есть знание каждого из соучастников о присоединяющейся деятельности других соучастников) устанавливаются в момент самого действия». Вторая – когда знание о присоединяющейся деятельности других лиц происходит без какого-либо словесного обмена или обмена мыслями [Там же, с. 318]. Соучастие по предварительному соглашению представляет собой ситуацию, когда лица до начала выполнения объективной стороны состава преступления договариваются о месте, времени, способе совершения преступления и распределяют роли. Именно вторая форма является, как полагает ученый, наиболее опасной и представлена заговором (когда все соучастники объединяются для совершения одного преступления) и шайкой (когда соучастники составляют сообщество для совершения многих преступлений) [Там же, с. 319]. Третья форма соучастия, выделяемая Н. Д. Сергиевским, – неосторожное соучастие. Подобное происходит, когда соучастники не предвидят последствий, но должны были или могли их предвидеть. Именно третья форма соучастия, выделяемая исследователем, и не подходит под основание деления – время составления соглашения. Но в этой единице деления присутствуют как раз те самые «некоторые особенности в отношении соучастников между собою и к их общей деятельности» [Там же, с. 318].

Структурирует Н. Д. Сергиевский и особенности ответственности соучастников. Во-первых, ответственность иных соучастников определяется ответственностью главных физических виновников. Если главные физические виновники совершили оконченное преступление, то и пособники, и подстрекатели отвечают за оконченное преступление. Если же главные физические виновники совершили покушение, то и остальные должны также отвечать за по-

кушение. Во-вторых, неудавшееся подстрекательство, по мнению ученого, должно рассматриваться как обнаружение умысла, а потому должно оставаться ненаказуемым. В-третьих, соучастники, замыслившие добровольный отказ, должны не допустить совершение преступления или, по крайней мере, сделать все возможное, чтобы предотвратить совершение преступления иными соучастниками. В-четвертых, обстоятельства, которые влияют на размер ответственности, должны вменяться всем участникам, если они охватывались их умыслом [5, с. 319–320].

К концу XIX столетия констатация среди исследователей того факта, что совместная преступная деятельность не ограничивается одним лишь соучастием, уже была достаточно устойчивой. Интересное замечание в этой связи делает Л. С. Белогриц-Котляревский, отмечающий в своем учебнике, что совокупная деятельность многих лиц, направленная на совершение преступления, может осуществляться в различных формах, одной из которых является соучастие. Кроме собственно соучастия, исследователь говорит о прикосновенности к преступлению. Саму прикосновенность Л. С. Белогриц-Котляревский склонен считать «особым самостоятельным преступлением, не входящим в понятие соучастия и чуждым прямого необходимого отношения к главному преступлению» [1, с. 222]. Необходимо отметить также, что Л. С. Белогриц-Котляревский выделяет абстрактно общее понятие стечения нескольких лиц в совершении преступления, где каждый отвечает исключительно сам за себя, и отделяет от него понятие соучастия.

Отдельно Л. С. Белогриц-Котляревский пишет также о случаях посредственного причинения. Причем главным условием привлечения к ответственности за посредственное причинение автор учебника считает деликтоспособность каждого участника. Привлечение субъектом преступления лица, которое в силу определенных причин не является субъектом преступления или по иным основаниям не подлежит ответственности, превращает привлекающее лицо в единственного виновника [Там же, с. 207].

Отличает от соучастия Л. С. Белогриц-Котляревский и случаи неосторожного участия в умышленном преступлении, а также случаи соучастия в неосторожных преступлениях. «Первое невозможно потому, – аргументирует свою позицию исследователь, – что неосторожное содействие умышленному преступлению ис-

ключает солидарную ответственность; каждый отвечает только за себя и притом отдельно... Что же касается соучастия в неосторожных преступлениях, то возможность его исключается требованием внутреннего единения между виновниками...» [Там же, с. 206].

Что касается самого института соучастия, то под ним Л. С. Белогриц-Котляревский понимал такое совпадение нескольких лиц в преступлении, при котором благодаря общности их субъективной виновности каждый солидарно отвечает за все деяние в полном объеме. Коренными условиями ответственности за соучастие ученый считал наличие общей причинной связи (объективное) и общность вины (субъективное). При этом совершенно очевидно, что в соучастии возможна лишь умышленная форма вины, так как исследователь говорит о единении воли или соглашении [Там же, с. 205].

Особое внимание Л. С. Белогриц-Котляревский уделяет понятию соглашения, понимая под ним формирование однородного намерения, направленного на совместное совершение одного или нескольких преступлений. Именно время составления соглашения ученый кладет в основу разделения соучастия на формы. В случае, когда соучастие составляется «к самому моменту преступления», форма соучастия будет называться «скоп», в том же случае, когда соглашение предшествует совершению преступления, – «сговор, заговор, шайка», в зависимости от тех целей, которые должны быть достигнуты при совершении преступления [Там же, с. 207]. Тем не менее, пытаясь отличить две формы соучастия друг от друга (скоп и заговор), исследователь пишет, что и в том, и в другом случае соглашение должно предшествовать совершению преступления [Там же, с. 207].

И. Я. Фойницкий считал, что подход, при котором соучастие рассматривается как участие нескольких лиц в совершении одного и того же преступления, является нерациональным. Сам же исследователь утверждает буквально следующее: «Господствующая доктрина говорит о соучастии нескольких лиц в одном и том же преступлении. С точки зрения теории личного состояния преступности может быть речь только о совместной деятельности или о совместных преступлениях многих лиц» [8, с. 3]. При этом И. Я. Фойницкий, будучи последовательным сторонником социологического направления в уголовном праве, предлагает отойти от тезиса о совместной вине участников преступления и признать раздельность и самостоятельность

вины каждого участника [8, с. 27]. Кроме того, именно узость прагматического подхода сторонников так называемого господствующего направления привела к тому, что вне рамок института соучастия осталось большое количество случаев совместного совершения преступления. Тот факт, что разработанная к этому времени доктрина соучастия не имела общего значения и не распространялась на все возможные случаи совместного совершения преступления, и дал основание ученому предложить отказаться от законодательной регламентации института соучастия в общей части уголовного права. При этом И. Я. Фойницкий полагал, что кардинальных изменений в уголовном законодательстве подобные новеллы не произведут, хотя, конечно, «переработка некоторых их частей окажется при этом неизбежною» [Там же, с. 27].

Специальный параграф в своем курсе лекций, посвященный отличию соучастия от иных форм совместной преступной деятельности, выделяет Н. С. Таганцев. «Приступая к анализу этого сложного и трудного учения, – пишет ученый, – мы встречаемся, прежде всего, с вопросом: да есть ли основания для выделения соучастия из родового типа, не тождественно ли это понятие с общим понятием стечения нескольких лиц в одном деянии? Вопрос этот представляется весьма важным, так как, по моему мнению, смешением этих двух понятий объясняется то, до известной степени, хаотическое состояние, в котором мы застаем и ныне это учение в доктрине...» [7, с. 863]. И действительно подобное смешение, например, прослеживается в работе С. М. Будзинского, который использовал раздельный союз «или» для отождествления учения о соучастии и учения о стечении нескольких лиц в совершении преступления [2, с. 207].

Отличая институт соучастия, Н. С. Таганцев указывает, что данный институт в чем-то шире, а в чем-то уже родового понятия «совместной деятельности нескольких лиц». Кроме того, исследователь призывает отличать процессуальное соучастие (совпадение в одном уголовном деле) от материального соучастия (совпадение в преступном деянии) [7, с. 866]. Достаточно четко ученый отличает соучастие и от посредственного причинения, считая последнее «одновиновничеством человека, совершившего преступное деяние посредством недееспособного лица как своего орудия» [Там же, с. 867]. Отличал Н. С. Таганцев соучастие и от совместной преступной деятельности, которая могла, например, выражаться в принадлежности к какой-либо

партии или организации, деятельность которых государством признавалась преступной. Не считалось соучастием, по мнению ученого, и совместное вложение усилий в одно преступление, независимо друг от друга [Там же, с. 868].

Своеобразный итог учению о соучастии подводит в 1912 г. С. В. Познышев. И вот что интересно. Ученый определяет соучастие также максимально широко – как виновное совершение одного преступления совместной деятельностью нескольких лиц. Однако, рассматривая объективные и субъективные признаки соучастия, а также анализируя два направления в учении о соучастии (старое и новое, а иными словами, акцессорную теорию и теорию необходимого участия), С. В. Познышев, по существу, продолжает «подгонять» под уже выработанные шаблоны учения о соучастии те многочисленные точки зрения, в которых исследователями предлагались различные варианты совместного совершения преступления [4, с. 371–405].

Российские дореволюционные исследователи интуитивно чувствовали, что разнообразие возможных форм совместного совершения преступления и преступлений гораздо шире, нежели мог предложить формирующийся господствующей теорией институт соучастия. Стечение нескольких лиц в совершении преступления предполагало такое количество возможных комбинаций, что закрепить их нормативно или в качестве общих теоретических положений было практически невозможно [6, с. 161–164]. При этом ученые вынуждены были идти в канве только лишь двух возможных вариантов. Первый вариант предполагал исключение всех иных форм совместного совершения преступления, кроме соучастия как совместного умышленного участия нескольких лиц в совершении преступления. Второй вариант «силился» включить в институт соучастия как можно больше иных форм совместного совершения преступления. Ни первый, ни второй путь с точки зрения современного уголовного права не представляются продуктивными. В первом случае «за бортом» не только догматического исследования, но и законодательной регламентации оставалось слишком много случаев криминального причинения вреда несколькими лицами. Во втором случае «трещала по швам» теоретическая конструкция института соучастия, не выдерживая несоответствия между характеристикой существенных признаков соучастия в определении понятия и реально существующими ситуациями, такими признаками не обладающими. ■

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белогриц-Котляревский Л. С. Учебник русского уголовного права. Общая и особенная части. Киев ; СПб. ; Харьков : Южно-Русское кн-во Ф. А. Иогансона, 1903. 618 с.
2. Будзинский С. М. Начала уголовного права. Варшава : Тип. И. Яворского, 1870. 362 с.
3. Владимиров Л. Е. Учебник русского уголовного права. Общая часть. Харьков : Изд-во тип. Каплана и Бирюкова, 1889. 253 с.
4. Познышев С. В. Основные начала науки уголовного права. Общая часть уголовного права. М. : А. А. Карцев, 1912. 653 с.
5. Сергиевский Н. Д. Русское уголовное право. Пособие к лекциям. Часть общая. СПб. : Тип. М. Стасюлевича, 1896. 379 с.
6. Спасович В. Д. Учебник уголовного права. Т. 1, вып. 1. СПб. : Тип. И. Огризко, 1863. 178 с.
7. Таганцев Н. С. Лекции по русскому уголовному праву. Часть общая. Вып. 2. СПб. : Гос. тип., 1888. 974 с.
8. Фойницкий И. Я. Уголовно-правовая доктрина о соучастии // Юридический вестник. М., 1891. Т. 7, кн. 1 (январь), № 1. С. 3–28.

REFERENCES

1. Belogrity-Kotlyarevsky L.S. *Uchebnik russkogo ugolovno prava. Obshchaya i osobennaya chast* [Textbook of Russian criminal law. General and special parts]. Kiev, Petersburg, Kharkov, South Russian Book by F.A. Johanson, 1903, 618 p. (in Russian)
2. Budzinsky S.M. *Nachala ugolovno prava* [The beginning of criminal law]. Warsaw, I. Yavorsky type, 1870, 362 p. (in Russian)
3. Vladimirov L.E. *Uchebnik russkogo ugolovno prava. Obshchaya chast'* [Textbook of Russian criminal law. The general part]. Kharkov, Publishing house type. Kaplan and Biryukov, 1889, 253 p. (in Russian)
4. Poznyshchev S.V. *Osnovnyye nachala nauki ugolovno prava. Obshchaya chast' ugolovno prava* [The basic principles of the science of criminal law. The general part of criminal law]. Moscow, A.A. Kartsev, 1912, 653 p. (in Russian)
5. Sergievsky N.D. *Russkoe ugolovnoe pravo. Posobie k lekciyam. CHast' obshchaya* [Russian criminal law. A manual for lectures. The part is common]. St. Petersburg, M. Stasyulevich's Type, 1896, 379 p. (in Russian)
6. Spasovich V.D. *Uchebnik ugolovno prava*. [Textbook of criminal law]. Vol. 1, issue 1. St. Petersburg, Tip. I. Ogrizko, 1863, 178 p. (in Russian).
7. Tagantsev N.S. *Lekcii po russkomu ugolovnomu pravu. CHast' obshchaya. Vyp. 2* [Lectures on Russian criminal law. The part is common. Issue 2]. St. Petersburg, State type., 1888, 974 p. (in Russian)
8. Foynitsky I.Ya. *Ugolovno-pravovaya doktrina o souchastii* [Criminal law doctrine of complicity]. *YUridicheskij Vestnik* [Legal Bulletin]. Moscow, 1891, vol. 7, book 1 (january), no. 1, pp. 3-28. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 13.04.2023; одобрена после рецензирования 12.05.2023; принята к публикации 10.11.2023.

Received on 13.04.2023; approved on 12.05.2023; accepted for publication on 10.11.2023.

Георгиевский Эдуард Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), ORCID: ORCID 0000-0001-8811-937X, РИНЦ AuthorID: 525295, ResearcherID: ABE-9081-2021, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Кравцов Роман Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), ORCID: 0000-0001-5597-269X, РИНЦ AuthorID: 355169, e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com

Georgievskiy Eduard Viktorovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-8811-937X, RSCI AuthorID: 525295, ResearcherID: ABE-9081-2021, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Kravtsov Roman Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), ORCID: 0000-0001-5597-269X, RSCI AuthorID: 355169, e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com

Вклад авторов

Георгиевский Эдуард Викторович – концепция исследования (формирование идеи, формулировка ключевых целей и задач), сбор и обработка материала, статистическая обработка данных, работа с нормативными актами и методическими материалами, редактирование статьи, написание текста (обсуждение результатов и выводы), утверждение окончательного варианта статьи.

Кравцов Роман Владимирович – концепция исследования (формирование идеи, формулировка ключевых целей и задач), сбор и обработка материала, статистическая обработка данных, работа с нормативными актами и методическими материалами, редактирование статьи, написание текста (обсуждение результатов и выводы), утверждение окончательного варианта статьи.